

Глава 8. Мгновенная пощёчина

Вэйшэн опешил.

— Вы знакомы? — он растерянно переводил взгляд с одного на другого. — Когда это вы успели? Почему я ничего не помню?

Цан Доушань бросил на него красноречивый взгляд, заставив прикусить язык.

— Когда плыли на корабле, — коротко бросил он.

Затем повернулся к гостю, вежливо кивнул и мягко улыбнулся:

— Не думал, что судьба сведёт нас снова.

Босс Хуан добродушно рассмеялся, поглаживая упитанный подбородок:

— Да уж, не виделись всего ничего, а вас уже не узнать! Всего несколько месяцев в наших краях, а дела уже пошли в гору. Уважаю.

— Что вы, — скромно отозвался Цан Доушань. — Нам просто улыбнулась удача.

Вэйшэна от этого обмена любезностями так и подмывало выругаться — до того приторным и фальшивым казался разговор. Масляная, лоснящаяся физиономия босса Хуана вызывала у него лишь глухое раздражение. Ему до смерти хотелось схватить метлу да выставить этого напыщенного индюка за порог.

Обменявшись дежурными вежливостями, они перешли к делу. Босс Хуан не стал ходить вокруг да около и сразу выложил карты на стол. Он предложил Цан Доушаню выгодное соглашение: поставлять любые редкие травы и благовония, в то время как Цан Доушань возьмёт на себя создание уникальных рецептов. Вместе они могли бы запустить новую марку румян и притираний.

Условия, впрочем, были жёсткими: Цан Доушань и Вэйшэн должны были перебраться в округ Вэньцзинь — оплот торговой империи Хуана — и открыть лавку именно там.

— Округ Вэньцзинь — место прославленное, одно из самых богатых в Поднебесной, — завлекал толстяк. — Там благородных домов и знатных господ пруд пруди, а уж богатых купцов и вовсе не счесть. С вашим-то талантом грех прозябать в этой глуши. В Вэньцзине перед вами откроются совсем другие дороги. Я беру на себя абсолютно всё: обустройство лавки, закупку сырья, отправку готового товара в другие края. С вас — только мастерство. Прибыль разделим поровну, пятьдесят на пятьдесят. Что скажете?

Предложение так и манило лёгкими деньгами, но Цан Доушань не спешил бросаться в омут с головой. Он ответил мягко, неторопливо:

— Я человек скромный, опыта в столь крупных делах не имею. Позвольте мне обдумать ваше предложение, прежде чем принять решение.

Босс Хуан, ничуть не сомневаясь в успехе, благодушно закивал:

— Разумеется, дело серьёзное. Понимаю. Через три дня я наведаюсь к вам снова.

Цан Доушань вежливо проводил гостя до самых ворот, расточая дежурные улыбки, но вернулся в дом хмурым и задумчивым. Всё это время остававшийся не у дел Вэйшэн со злостью грыз утиную шею, так что кости хрустели на зубах.

— Ну и как? Согласимся? — спросил Вэйшэн.

— Решай сам, — отозвался Цан Доушань.

— Кончай зубы заговаривать, — огрызнулся тот. — Мне твоё мнение нужно.

Выплюнув на пол мелкие косточки, Вэйшэн зло припечатал:

— Впрочем, упускать такую наживу — ублюдком надо быть!

Согласиться-то Вэйшэн согласился, вот только в торговых делах он смыслил не больше свиньи в апельсинах. Да и Цан Доушань далеко от него не ушёл. А в неведении всегда кроется знатный крючок. Не обманешь — не продашь, торговый люд на то и торговый, чтобы честных простаков вокруг пальца обводить.

Целых три дня эти два горе-мастера ломали головы над старыми книгами, пытаясь предугадать, где хитрый купец мог расставить капканы. На исходе третьих суток Цан Доушань выработал условия и, когда босс Хуан явился снова, озвучил их: договор они подпишут ровно на пять лет. По истечении этого срока Цан Доушань вернёт Хуану всё до последнего медного гроша — все траты на аренду лавки, доставку и прочие расходы, после чего станет полностью независимым. Дальнейшие их дела сведутся к обычным закупкам сырья. Причём все возвращаемые средства должны рассчитываться по ценам сегодняшнего дня. По сути, Цан Доушань просто брал у купца заём под залог своего мастерства.

Хуан согласился без колебаний, но тут же выдвинул встречное требование: в течение этих пяти лет Цан Доушань обязуется закупать сырьё исключительно у него. Любые тайные сделки или даже переговоры с другими поставщиками трав и благовоний строго запрещались.

После недолгих споров Цан Доушань аккуратно, строчку за строчкой, вывел на бумаге все условия соглашения. Купец и мастер скрепили бумагу алыми подписями и оттисками пальцев. Цан Доушань обернулся к другу:

— Теперь твоя очередь. Оставь свою подпись.

Вэйшэн нехотя подошёл к столу, потирая затылок, и взял в руки кисть. Грамоте он был обучен слабо — имя своё написать мог, да только кисти не держал бог весть сколько времени. Иероглифы вышли корявыми, расплывающимися, точно сонные гусеницы. Цан Доушань мельком глянул на лист и сразу заметил, что в фамильном знаке «Вэй» не хватает одной черты.

Не подав виду, он мягко забрал свиток у смутившегося парня:

— Ах да, совсем вылетело из головы. Надо бы добавить ещё кое-что. Секунду.

Он быстро приписал какое-то пустяковое условие, попутно уверенным движением кисти дорисовав недостающую черту в имени друга, и принялся переписывать копию соглашения для Хуана.

Вэйшэн всё видел и прекрасно понял. От стыда его щёки вспыхнули пунцовым пожаром.

Сравнивать его каракули с почерком Цан Доушаня было всё равно что ровнять кучу навоза с яшмовым дворцом — буквы друга ложились на бумагу так ровно и изящно, хоть сейчас в раму вешай. Закончив со вторым экземпляром, он передал его купцу. Тот благоговейно принял бумагу и расплылся в улыбке:

— О, какой слог! Какая кисть! Сам великий каллиграф из Цзяннани не вывел бы краше!

— Вы слишком добры ко мне, уважаемый, — скромно склонил голову Цан Доушань.

— Что ж, тогда завтра поутру я пришлю за вами людей. Отправимся в округ Вэньцзинь, — босс Хуан аккуратно сложил договор за пазуху и распрощался.

— Доброго пути, босс Хуан.

Проводив гостя, Цан Доушань запер дверь на засов и повернулся к другу:

— Что на ужин приготовим?

— Ничего не хочу, — буркнул Вэйшэн, уставившись в угол.

— Подумаешь, ошибся в иероглифе, — мягко укорил его Цан Доушань. — Стоит ли из-за этого дуться?

Вэйшэн лишь хмыкнул, демонстративно отвернулся к стене и подпёр щеку кулаком. Цан Доушань покачал головой, ссыпал в кошель несколько монет, взял глиняную миску и вышел на улицу.

Вернулся он минут через двадцать, припорошенный хлопьями свежего снега, но с исходящей паром миской горячих хунтунов.

— Ну же, садись за стол, пока не остыли.

Вэйшэн не шелохнулся.

Цан Доушань со стуком опустил миску на стол:

— Ешь, говорю. Еда пропадёт — грех на душу возьмёшь.

Вэйшэн нехотя пододвинул к себе еду и принялся вяло орудовать палочками. Спустя пару минут он буркнул:

— А сам чего не ешь?

— Вещи собрать надо, — отозвался Цан Доушань, принимаясь укладывать их нехитрые пожитки.

Ночью они улеглись бок о бок, согревая друг друга дыханием в промозглой комнате. Сон не шёл.

— Скажи, — тихо позвал Вэйшэн в темноту, — тебе этот Хуан не кажется скользким типом? Можно ли ему верить?

— Поздно пятиться, — слышался спокойный голос Цан Доушаня. — Договор подписан.

— Да знаю я... Просто не лежит к нему душа. Нутром чую, держит он камень за пазухой, — Вэйшэн потянул на себя одеяло, укрывая плечи, и заодно заботливо набросил край на друга. — И не говори, что сам этого не заметил.

— Заметил, конечно. Ну и что с того? Нам до смерти нужны деньги, а у него они есть.

Вэйшэн долго молчал, переваривая услышанное.

— Эх, попали мы в какую-нибудь крупную секту, всё сложилось бы иначе... — вздохнул он. — Говорят, там ученикам всё на блюдечке приносят: и снадобья для тренировок, и камни духовные. Бери — не хочу.

— Я не стану изучать чужие тайные техники, — отрезал Цан Доушань. — А что до тебя... для любой порядочной школы ты уже слишком стар. Не возьмут.

— Ну и тоска... — уныло протянул Вэйшэн.

— Дело решено, так что не забивай голову пустяками. Осмотримся на месте, в Вэньцзине, тогда и будем думать, — Цан Доушань закрыл глаза. — Спи.

Однако Вэйшэну не спалось. Он повернулся на бок и долго всматривался в смутные очертания лица друга.

— Слушай... научи меня читать и писать по-настоящему.

— Хорошо.

— И чтобы почерк у меня был такой же красивый, как у тебя. Чтобы не стыдно было людям показать.

— Договорились.

Вэйшэн помолчал ещё немного, не сводя с него глаз, а потом вдруг хмыкнул:

— Знаешь, Доушань... Чем дольше я на тебя смотрю, тем сильнее ты мне кажешься похожим на мою жёнушку.

Цан Доушань распахнул глаза, ожёг его долгим, нечитаемым взглядом, а затем молча отвернулся к стене, натянув одеяло до самых ушей.

Вэйшэн так и остался лежать с разинутым ртом, чувствуя себя полным дураком.

— Спи давай, — донёсся от стены ледяной голос Цан Доушаня. — И выкинь эту дурь из головы.

Вэйшэн вздохнул, не понимая, на что наткнулся, и в груди у него защемило от странной, непонятной обиды.

На следующее утро за ними действительно прибыли. Посланник босса Хуана прилетел на огромном звёздном воробье. Птица с оглушительным хлопаньем крыльев опустилась прямо

перед их лачугой, подняв тучи пыли и перепугав до полусмерти местных жителей, выбравшихся на улицу за утренними лепёшками.

Вэйшэн, услышав этот грохот, первым делом выскочил на порог. При виде исполинского пернатого чудища у него едва не вырвалось глупое: «Ого, ну и туша!», но он вовремя прикусил язык, не желая падать в грязь лицом перед незнакомцем. Напустив на себя как можно более независимый вид, он спросил:

— Вы от босса Хуана?

Спина звёздного воробья качнулась, и на землю спрыгнул мужчина. Он вежливо поклонился:

— Моё имя Ду Лянгун. Хозяин поручил мне доставить вас в округ.

— Отлично, обождите минуту, — солидно кивнул Вэйшэн. Он чинно развернулся, шагнул за дверь, но стоило ему скрыться из виду, как он коршуном налетел на постель и принялся неистово трясти спящего друга: — Вставай, вставай скорей! За нами приехали!

— Да слышу я, — пробормотал Цан Доушань, слабо отбиваясь от его рук. — Не егози. Сноси пока вещи наружу, я сейчас поднимусь.

Вэйшэну ничего не оставалось, как взвалить на закорки тюки и узлы, собранные накануне. Но когда он, пыхтя, вытащил их на улицу, Ду Лянгун лишь снисходительно улыбнулся:

— Не стоит утруждаться, молодой человек.

С этими словами он снял с пояса небольшой парчовый мешочек. Одно мгновение — и огромная гора вещей бесследно исчезла в его недрах. Вэйшэн так и застыл с открытым ротом. Прочистив горло, он выдавил удивлённую улыбку:

— Это что же... та самая сумка-хранилище?

— Ну, в народе её зовут по-разному, — самодовольно хмыкнул Ду Лянгун. — Мы, практики, называем это просто сумкой-хранилищем. Обычная безделушка для переноски поклажи, места в ней — кот наплакал. Дешёвка, которую можно купить на любом углу. Вот истинная Сумка-хранилище, способная поглотить целые горы и реки — это да, великое сокровище, легендарный артефакт. А это так, баловство.

— А-а, понятно... — пробормотал Вэйшэн, мысленно проклиная себя за невежество.

В этот момент из хижины неспешно вышел Цан Доушань. Потирая заспанные глаза, он лениво скользнул взглядом по гигантской птице и обронил мимоходом:

— Скверно же вы ухаживаете за своим звёздным воробьём. Совсем птицу запустили.

Улыбка мгновенно сползла с лица Ду Лянгуна. Он нахмурился:

— Это ещё почему?

— Да поглядите сами: перо серое, тусклое, киль торчит — отощал бедняга, — Цан Доушань равнодушно пожал плечами. — Звёздные воробьи ценятся исключительно за пышный и яркий окрас. По скорости и выносливости им далеко до тех же птиц Цзанкун. Раньше столичная золотая молодёжь держала их только ради забавы, красуясь друг перед другом на гуляньях. Надо же, не думал, что докатились до того, чтобы использовать их как простых тяжеловозов.

Ду Лянгун так и пошёл пятнами от злости и стыда. Не найдя что ответить, он лишь сквозь зубы процедил:

— Прошу на борт, господа.

Цан Доушань лёгким, почти невесомым движением взлетел на спину птицы и протянул руку другу. Вэйшэн, впервые оказавшийся верхом на подобном исполине, заворожённо оглядывался по сторонам, мечась между восторгом и животным страхом.

— Слушай, — зашептал он, усаживаясь поудобнее, — а как именно эти столичные хлыщи на них развлекались? Что за состязания?

— У звёздных воробьёв немало пород, — негромко рассказывал Цан Доушань, пока птица расправляла крылья. — Но краше всех — порода Хунло. Хохолки и хвосты у них вырастают невероятной длины, переливаясь всеми цветами радуги. Чтобы перья горели ярче, изнеженные господа пичкали птиц особыми ядовитыми ягодами. От этой отравы воробьи дичали, становились яростными и кидались на любую тень. Когда яд пропитывал птицу до самых костей, устраивали воздушные бои. Проигравший звёздный воробей камнем летел вниз, его дивное оперение прямо в воздухе блёкло, осыпаясь серым пеплом... Зрелище, говорят, было неопишуемой красоты.

Цан Доушань прикрыл рот ладонью и зевнул:

— Да только и победитель жил недолго. Яд в конце концов сжигал несчастных птиц изнутри.

Вэйшэн вытаращил глаза:

— Это что же получается... Растить птицу целый год только ради того, чтобы потешиться её смертью? Они там в своей столице совсем с жиру взбесились?!

— А чем им ещё заняться? — усмехнулся Цан Доушань. — Те, кто просаживал жизни на этих тотализаторах, обычно не имели ни малейшего таланта к самосовершенствованию, да и в семейной иерархии стояли на самых нижних ступенях. Наследства им не видать, великими мастерами не стать — вот и швырялись золотом клана направо и налево, лишь бы тоску разогнать. Старшие сквозь пальцы на это смотрели: пускай дурью маются, лишь бы под ногами не путались и бед на семью не навлекали.

Вэйшэн вздохнул. От таких откровений его нищее детство заиграло совсем уж мрачными красками.

— Впрочем, сейчас в столице за такое развлечение можно и головы лишиться, — продолжил Цан Доушань. — Императорский указ наложил строжайший запрет на эти игрища. Заводчики звёздных воробьёв в одночасье разорились и были вынуждены распродавать птиц за бесценок купцам под ломовую упряжь. Хотя, конечно, возить грузы — совсем не их удел. Они рождены услаждать взор.

— А запретили-то почему? Из-за растрат? — любопытствовал Вэйшэн.

— Хуже. Из-за яда, — пояснил Цан Доушань. — Трупы отравленных воробьёв разлагались, и земля вокруг выгорала так, что ни единой травинки не росло годами. В окрестностях столицы из-за этого пришли в запустение огромные пашни, крестьяне остались без хлеба и взбунтовались. Один отчаянный смельчак пробрался в главные вольеры и вырезал всех птиц Хунло до единой. Шум поднялся на всю Поднебесную. После этого двору ничего не оставалось, как наложить вето на разведение этой породы. Ну а следом покатила под откос и вся торговля звёздными воробьями.

Пока они увлечённо болтали, Ду Лянгун, правивший птицей, то багровел, то бледнел от бессильной злобы. Ему безумно хотелось заткнуть этих выскочек, но возразить на столь глубокое знание столичных порядков он ничего не мог.

Вскоре звёздный воробей набрал высоту, унося их всё дальше на восток. Наверху оказалось куда холоднее, чем на земле; яростные порывы ветра буквально хлестали по лицам, мешая дышать. Разговаривать в таком грохоте стало невозможно. Прижавшись друг к другу, чтобы хоть как-то согреться, парни постепенно погрузились в дремоту.

Путь от округа Шаньнань до округа Вэньцзинь составлял более пятисот ли. Исполинской птице пришлось совершить пять остановок, чтобы перевести дух. И лишь когда предзакатное солнце окрасило горизонт в багровые тона, они наконец опустились во дворе главного поместья босса Хуана.